

Марина
СЕРОВА

Принесенный ВЕТРОМ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Принесенный ветром

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Принесенный ветром / М. С. Серова — «Эксмо»,
2015 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-82161-7

Частный детектив Татьяна Иванова, благополучно закончив очередное дело, согласилась помочь давней знакомой, журналистке Ольге Бобровой. Всего-то и надо было, что съездить вместо нее к местному олигарху Жучкину и взять у него интервью. Прямо перед выездом Татьяне в прямом смысле на голову свалился харизматичный красавчик Олег, оказавшийся профессиональным фотографом. Ну как было не взять его с собой! Интервью прошло благополучно, однако через несколько дней оказалось, что у Жучкина была украдена старинная дорогостоящая картина, и случилось это именно во время визита Татьяны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82161-7

© Серова М. С., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

Принесенный ветром

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2015

* * *

Глава 1

Майский солнечный лучик прошмыгнул в щель между неплотно задернутыми шторами, быстро скользнул по полу, забрался на постель и дотронулся до моего носа, неосторожно высунувшегося из-под одеяла. Почувствовав назойливое тепло, я лениво перевернулась на спину. Открыла глаза, пытаюсь удержать в памяти остатки приятного сна. Зыбкие сновидения быстро улетучились, но в душе уже щебетали птички. Было радостно от мысли о деньгах. Вчера я наконец-то получила гонорар за удачно проведенное расследование и теперь могу позволить себе немного расслабиться. Никуда не спешить, не шевелить натруженными извилинами, не бегать по городу, выслеживая и вынюхивая, не общаться с подозрительными личностями. Вместо этого можно спать сколько влезет, а проснувшись, просто валяться в постели с книжкой в руках, заглатывая очередную серию приключений непотопляемого инспектора Харри Холе. А потом, после неторопливого завтрака, так же неторопливо совершать шопинг по магазинам, выстроившимся в ряд вдоль центрального проспекта города Тарасова. О-о, как прекрасна жизнь, когда есть деньги и можно хотя бы на некоторое время забыть о работе! Может быть, мне вообще слетать куда-нибудь на недельку, погреться на солнышке у экзотического теплого моря? Я задумалась. Слетать одной? А почему бы и нет, ведь в своем собственном обществе мне никогда не бывает скучно. К тому же теплое экзотическое море – самое лучшее место для перспективной романтической встречи. Именно этого мне сейчас и не хватает.

И тут мой взгляд, доселе безмятежно скользивший в пространстве, наткнулся на большие круглые часы, висевшие на стене. Одиннадцать! Эйфория улетучилась в одну секунду. Растаяла, как утренний туман. Я вспомнила про Ольгу, резко села в постели и тихо застонала. В двенадцать придет Светка, моя приятельница-парикмахерша, чтобы соорудить на моей умной и красивой головушке офигительную (по словам Светки) прическу. Именно сегодня, вместо того чтобы спокойно наслаждаться жизнью и разрабатывать планы роскошного недельного существования в экзотическом раю, я должна брать интервью у Вениамина Альфредовича Жучкина, который именно сегодня дает светский прием в своем новеньком, с иголки, трехэтажном домишке в Усть-Курдюме, на берегу великой русской реки Волги. Будь проклят тот час, когда я, девушка добрая и сострадательная, приняла предложение Олечки. Терпеть не могу светские приемы, но самое отвратительное – не сам прием, а интервью, которое я зачем-то должна взять у Жучкина для Олечкиной статьи. Однако отказать Ольге я не смогла, и вот почему.

С Олечкой Бобровой, томной сексапильной брюнеткой, ведущей в журнале «Тарасовский бомонд» рубрику «Светская жизнь», меня связывают давние дружеские отношения. Точнее, дружески-деловые. Иногда, наткнувшись на стену в своем расследовании, мне приходится обращаться к Ольге за помощью. Боброва снабжает меня ценнейшей и эксклюзивнейшей информацией о представителях высшего общества нашего славного городка. Олечка – настоящий клад информации. Если хотите узнать интимные подробности из жизни какой-либо звезды местного шоу-бизнеса либо услышать последние сплетни о каком-нибудь тарасовском политике, обращайтесь к Олечке Бобровой. Она все знает, она поможет. Но при этом не забудьте, что обязательно наступит день, когда придется платить по счетам. Наступил он и для меня.

Боброва свалилась на меня поздним вечером. Открыв ей дверь, я поразилась тому, как сильно она изменилась за полгода – ровно столько времени мы с ней не виделись. Она перекрасилась в блондинку, сильно похудела, как будто даже полиняла, в ее огромных карих глазах плескалась печаль.

Усаживаясь на кухонную табуретку, Ольга трагически вздохнула и шмыгнула носом. Я быстренько нарезала сыр, открыла коробку конфет и откупорила бутылку шампанского, чтобы отметить нашу встречу, а заодно и окончание моего расследования.

Я говорила без умолку, а Олечка молчала, только кивала, сопела и вздыхала. Но после второго бокала шампанского язык у нее развязался. Жалобно поглядывая на меня, роняя редкие слезинки в опустевший фужер, она рассказала мне свою печальную историю.

С Виталиком, фотографом-фрилансером, Олечка встречалась около года и даже собралась за него замуж (Виталик об этом, правда, не догадывался). Два месяца назад какое-то столичное издательство, в которое он посылал свои снимки, пригласило его в Москву. Он уехал, и больше Олечка своего жениха не видела. Боброва получила от Виталика одно коротенькое письмо по электронке, дескать, у меня все в порядке, устроился хорошо, не скучай, родная. Оля писала ему, но не дождалась ни одной строчки в ответ, звонила на мобильник, но слышала только механическое, бесстрастное: «Абонент находится вне зоны действия сети».

– Ну, это и ежу понятно, – бодро произнесла я, – купил себе новую симку, московскую, вот и отключил старую.

– Это ежу понятно, а мне нет, – всхлинула Олечка. – Если у него новый номер, то почему мне-то не позвонить? Почему?

– Может, с ним что-то случилось? – предположила я. – Украли телефон со всеми контактами, заболел, попал в больницу, стал жертвой ограбления или...

Тут я прикусила себе язык.

– Ничего не «или», – возмутилась Олечка, и глаза ее гневно сверкнули.

И она поведала мне, что провела маленькое расследование (слава богу, название издательства, пригласившего Виталика, Бобровой было известно), и ей открылась печальная истина: ее Виталик – наивный, добрый, простодушный и доверчивый Виталик – оказался в хищных лапах коварной столичной соблазнительницы. Олечка узнала об этом только сегодня и сразу поняла: она должна действовать! Нужно ехать в Москву и вырвать любимого из когтей разлучницы. Не медля, Боброва помчалась на вокзал и взяла билет. Поезд отходит в час ночи.

Ольга посмотрела на часы и произнесла:

– До отправления осталось больше двух часов, так что еще успеем все обсудить.

Только тут я вспомнила, что Ольга бросила на полу в моей прихожей темно-синюю дорожную сумку.

– Думаешь, у тебя получится? – спросила я, стараясь скрыть скепсис. – Думаешь, бросит ее и вернется к тебе?

– Конечно! Он же любит меня. Только меня. Я знаю, поверь мне. А эта... Так, минутное увлечение. Она мне и в подметки не годится.

– А ты откуда знаешь, Оль? Ты ж ее не видела. Может, там, супермодель, да еще с мозгами Билла Гейтса.

– Скажешь тоже! – фыркнула Ольга. – И не модель, и не Гейтс. Так, обычная баба, работает в той конторе, что Виталика позвала. На вид – мышь мышью. Я к ней на страничку в Фейсбук заходила. Глянуть не на что.

– Значит, ты решила остаться рядом с Виталиком? Или ты думаешь, что он вернется с тобой в Тарасов?

– Пока еще ничего не решила, – вздохнула Ольга. – Там видно будет. Но ехать надо немедленно, пока эта дрянь не запустила свои коготки слишком глубоко. И ты должна мне помочь, Танечка.

– И что от меня требуется? – спросила я, чувствуя неладное.

– Да ничего такого особенного. Поедешь к Вениамину Альфредовичу Жучкину завтра к шести часам и возьмешь у него интервью. Он дает прием, будут акулы местного бизнеса, его друзья, из Министерства культуры тетка приедет, возможно, сама министр пожалует.

Вопросы для интервью тут, – Ольга похлопала по своей сумочке, – адрес тоже, и диктофон тебе в помощь. И напрягаться не нужно: включила диктофон – он пишет. Я потом сама прослушаю, когда статью писать буду. Ну и осмотри все, ну там, дом, обстановку, гостей.

– А кто такой Вениамин Альфредович Жучкин? – поинтересовалась я.

– Ну даешь, Тань! Жучкина не знаешь! Один из самых богатых людей нашего края. Наш местный олигарх, владелец сети кафе «Ананас» и мебельной фабрики, кандидат в депутаты областной думы. Меценат, детишек талантливых поддерживает. Да, совсем забыла: Настя Волочкова приедет. Прикинь, какие люди! Жучкин ее к себе в гости пригласил.

– Зачем? Танцевать будет? Или петь?

– Ну-у, скажешь тоже! Послезавтра у нас в городе открытие балетной школы для девочек имени Айседоры Дункан, Волочкову позвали ленточку перерезать. Я ж говорю: Вениамин Альфредович молодым талантам помогает, а Волочкова, понятное дело, для пиара. Жучкин, поди, ей и заплатил, чтоб она приехала, покрасовалась, ручкой помахала с ножничками. Так что, договорились, Тань? – Олечка просительно заглянула мне в глаза.

Отказывать Ольге было неловко – столько раз помогала, но ехать к Жучкину брать какое-то дурацкое интервью страшно не хотелось. Я сказала:

– А что, у тебя на примете другой кандидатуры нет?

– Нет, – тяжело вздохнула Олечка. – Те, кто на это способен, завтра все заняты. А ты у нас, Танечка, свободный художник, тебе не надо в школу на урок или в офис ташиться. И ты мне сама по телефону сказала, что закончила работу и теперь можешь передохнуть.

Зря сказала. И зря обрадовалась, когда Ольга позвонила по телефону и объявила, что вечером нагрянет ко мне. Но разве ж я могла догадаться, что приедет она ко мне с набитой дорожной сумкой, билетом в кармане и этой просьбой?!

– А перенести интервью никак нельзя? – с надеждой спросила я. – До твоего возвращения?

– Нет. Об этой встрече-то с трудом договорилась. Два месяца Жучкина пасла, ему все недосуг было. И если после этого я не приеду на встречу, знаешь, что будет?

– Что?

– Меня выпрут из журнала. Ты этого хочешь, Тань?

– Нет, конечно, ну что ты, Оля!

– А знаешь, сколько желающих занять мое место? Знаешь, сколько у меня врагов? А тут еще и Виталик... – Ольга бросила на меня сиротский взгляд и жалобно всхлипнула.

– Но я ведь не журналист, Оль, ни разу в жизни не брала ни у кого интервью, даже не знаю, как это делается.

– Как это не брала, Тань? – голос Бобровой вновь обрел уверенность. – А беседы с подозреваемыми? А со свидетелями? Да ты ж этим всю жизнь занимаешься, сколько я тебя знаю!

– Ну, это ж допрос, со свидетелями-то, а никак не интервью.

– Да какая разница! Даже проще. Из Жучкина тебе не придется вытягивать сведения, он сам с радостью все расскажет, преподнесет на тарелочке с голубой каемочкой. Да ему самому нужно, чтобы про него написали: какой он добрый, щедрый, детишкам помогает, таланты продвигает. И потом, Тань, я ж тебе вопросы оставляю. Задашь Жучкину несколько вопросов, покрутишься там, поешь икорки, фуа-гра и еще какой вкусняшки. У него, как пить дать, фуршет будет. А заодно и посмотришь, как люди живут. И хорошенько все осмотри, ну, там, дом, интерьер, мебель, кто с кем и в чем. Пофоткай, ага? – окончательно повеселела Олечка, понимавшая, что мое согласие – дело практически решенное.

– Сфоткать? Ну-у, не знаю, – уныло протянула я. – Я ведь не фотограф. Не профессионал.

– Не важно. Главное, щелкай больше, не стесняйся. Из тысячи фоток обязательно найдется пара приличных. И потом, это же всего-навсего Жучкин, я ж тебя не к губернатору и не к президенту отправляю. И тебе польза: глядишь, нужные связи завяжутся. Разве тебе

не нужны полезные или просто приятные знакомства? Ты ведь сама говорила, что в данный момент находишься в поисках, – Ольга покрутила головой вокруг себя в поисках присутствия мужчины в моей жизни. Не увидела ничего интересного и добавила просительно: – Ну так как, Тань? Соглашайся, не пожалеешь. И меня выручишь.

Через полчаса, выгрузив из сумочки диктофон и листочек с вопросами и адресом Жучкина, Ольга укатила на такси на вокзал, преисполненная надежды на скорое восстановление нежных отношений со своим драгоценным Виталиком. Уже в прихожей она сказала:

– И, пожалуйста, изыщи возможность задать парочку вопросов Волочковой. Жалко упустить такой шанс.

– Например?

– Спроси ее про свадьбу. Ходят сплетни, что у нее роман с известным футболистом. Посмотри в компьютере, что про нее пишут. А заодно и про Жучкина глянь. Ой, погоди-ка!

Ольга достала из сумочки свое журналистское удостоверение и вручила мне со словами:

– На, возьми. Я не успела согласовать твою кандидатуру, так что завтра ты – Ольга Боброва.

Я раскрыла корочки и глянула на черно-белую фотографию. На меня совсем не похожа, впрочем, на Ольгу тоже. Карточка просто ужасная, наверняка это паспортный снимок, ведь хуже фото на паспорт, как известно, может быть только его ксерокопия. Ладно, сойдет. И я сунула удостоверение в карман.

– Только не потеряй, ладненько? – попросила Олечка, открывая дверь. – Ну, пока-пока, удачи тебе, Тань.

– И тебе того же, – пробурчала я, закрывая дверь.

Я направилась к шкафу, чтобы провести ревизию на предмет подходящего случаю наряда, а затем взяла телефон и набрала номер Светки. Она уже легла спать, но заснуть не успела и сообщила, что завтра, то есть уже сегодня, будет у меня ровно в двенадцать дня со всеми своими парикмахерскими принадлежностями.

И вот теперь я, время от времени поглядывая на часы, изучала маленький диктофон и читала вопросы, оставленные мне Олечкой. Вопросы были немногочисленные и достаточно простые – видимо, Ольга делала ставку не на жизненные планы и богатый внутренний мир Жучкина, а на роскошный интерьер Жучкинского дома, наряды и драгоценности его гостей и Анастейшу, как окрестили балетную диву Волочкову ее интернет-фанаты.

Светка задерживалась, и я от нечего делать бросила кости. Выпало 7+21+25: «Берегитесь человека, который не ответил на ваш удар: он не забудет обиды и не позволит вам простить себя».

И как это понимать? Кто этот человек? И что имеется в виду под ударом? Я призадумалась. Не собираюсь никого бить в доме у Жучкина, ни физически, ни морально. Я снова взяла листок с вопросами. В них нет ничего, затрагивающего чье-то достоинство, хотя... Может, имеется в виду Волочкова? Способна ли эта женщина разозлиться, если ее спросить: «Скажите, любезнейшая Настя, когда ваша свадьба? А кто жених?» Да уж! Я вот всегда злюсь, когда досужие тетушки пристают ко мне с подобными вопросами. А может, ну ее, Волочкову? Пусть себе живет! Или все же спросить про свадьбу с Кержаковым? Вряд ли Анастейша обидится, а Ольга будет счастлива.

Мои раздумья оборвал требовательный звонок в дверь. Светка! Ну наконец-то, не прошло и полугода! Я вскочила и понеслась к входной двери.

Глава 2

На пороге стояла совершенно незнакомая девушка. Миниатюрная блондинка в джинсах и ярко-голубой толстовке с оранжевой кошачьей мордой на груди. У девицы был по-детски пухлый ротик, пшеничные волосы до плеч, вздернутый носик и широко распахнутые голубые глаза, обрамленные густо накрашенными ресницами. В левой руке она держала большой пластиковый пакет. Девица тяжело дышала, наверное, не дождалась лифта и на своих двоих поднималась по лестнице.

Я услышала, как скрипнул лифт, тормозящий на нашем этаже. Блондинка решительно шагнула в мою прихожую и прикрыла за собой дверь. Не теряя времени на вежливые поклоны, она сердито объявила:

– Послушайте, девушка, вы меня залили. Это просто свинство с вашей стороны!

Хриплый голос девицы как-то не вязался с ее ангельской внешностью.

– Я? Залила? Да не может такого быть!

– У нас потолок мокрый, в ванной и прихожей. Посмотрите у себя в ванной, вы точно забыли закрыть кран.

Я отправилась в ванную и заглянула во все углы. Все чисто. Под ванной тоже было сухо. Кран немного подкапывает, никак не соберусь вызвать слесаря. Но вода капает в ванну, а не на пол, так что ничего страшного. Я открыла дверь в туалет и заглянула под унитаз. Пожала плечами и вернулась в прихожую.

– Все нормально, – сказала я. – Нигде не течет.

Услышав мой голос, девушка, взор которой в этот момент был направлен в сторону вешалки, где громоздились шуба, дубленка и пара курток (никак не соберусь с духом убрать зимнюю одежду в шкаф, хотя на дворе давно хозяйничает весна), вздрогнула. Быстро повернувшись ко мне, она скомандовала:

– Посмотрите на кухне: наверное, оттуда течет.

Я послушно потопала на кухню, где, конечно же, ничего не лилось, не текло и даже не капало, а когда вернулась, то услышала короткое:

– Ну?

Эта девица почему-то сильно меня раздражала. Сама не знаю почему. «Баранки гну», – хотелось ответить мне, но вместо этого я вежливо, но твердо произнесла:

– Ничего. Ничего нигде не течет. Это не здесь. А ты из какой квартиры?

Девушка похлопала длинными ресницами, посмотрела на меня, как на идиотку, и ткнула указательным пальцем в пол:

– Прямо под тобой.

Я удивилась. Подо мной жила одинокая пенсионерка Марина Васильевна. Мужа она похоронила много лет назад. Эта девушка по возрасту годилась ей во внучки, но я точно знала, что никакой внучки у Марины Васильевны нет и никогда не было. Ее дочь уже давно проживала в Германии вместе с мужем и сыном-студентом и приезжала к матери не чаще одного-двух раз в год. В последний раз она была здесь, кажется, в январе. Смерив девицу подозрительным взглядом, я поинтересовалась:

– А ты кто Марине Васильевне будешь?

– Я-то? Племянница. Тетка уехала в санаторий, а меня попросила полить цветы. Вот я пришла и вижу...

– Ты уже рассказывала, что видишь. Но это не от меня. Поинтересуйся у соседей на моем этаже. Может, это от них течет. Извини, но у меня нет времени, я...

– Ладно, спрошу, – перебила меня блондинка.

Она скользнула быстрым взглядом по вешалке с верхней одеждой и выскочила за дверь, показав мне свою спину с игривой надписью: «Sexy girl». Где-то я уже это видела. Я продолжала стоять в прихожей, размышляя. Что-то в этой девушке показалось мне странным, но вот что?

К действительности меня вернула мелодия мобильного, доносившаяся из комнаты. Это была Светка.

– Танюшечка, прости, что не позвонила сразу, но я не могла, – зачастила она, – ты, наверное, меня давно ждешь...

– Понятное дело, жду. Ты где? Что случилось?

– В травмпункте. Прикинь, вывихнула палец на правой руке. Указательный. Распух, зараза. Думала, сломала. Но нет, слава богу, просто вывих. Рентген делала. Больничный теперь придется брать.

– Как это тебя угораздило?

– Да с табуретки свалилась. Кофе кончился, полезла за новой банкой. Падая, хотела уцепиться за стол. Сколько себя ругала, что так высоко шкафчики повесила! Подозревала, что когда-нибудь рухну. И вот, на тебе... Обидно. Как работать-то теперь? И тебя подвела.

– Ладно, Свет, не горюй, до свадьбы заживет. А за меня не переживай, ну, пойду на светский прием в обычном своем лохматом виде, – хмыкнула я. – Не впервой. Не на встречу ж с наследным принцем еду, а так, обычный российский олигарх.

– Ой, ну ты, Танюшка, и скажешь! Лохматом! Да у тебя такие волосы, что любая позавидует. Их и стричь жалко, и даже в прическу укладывать. Дал же Бог гриву! Не то что у меня.

– Не лсти мне, Светуля. Ну, давай, лечи свой палец. Поправляйся скорее.

Жаль, конечно, что Светка упала с табуретки, но ничего не поделаешь. Такова се ля ви. Ладно, обойдусь и без прически. Зато у меня есть роскошное коктейльное платьице. Или как журналистка я должна выглядеть скромно и строго? Эх, нужно было у Ольги спросить, во что она облачается, когда берет интервью у олигархов и меценатов.

А за окном наяривало майское солнышко, трепетали от легкого ветерка свеженькие, не успевшие покрыться липкой городской пылью листочки. Ликовали воробьи, от души наслаждавшиеся жизнью. Я открыла балконную дверь, и свежий воздух вместе со звуками улицы хлынул в комнату.

Я не торопясь вымыла голову, слегка просушила волосы полотенцем, расчесалась и отправилась варить себе кофе. Когда кофе был готов, я вернулась в комнату, включила компьютер – отыскать что-нибудь про Жучкина. Поставила рядом дымящуюся чашку. Пока комп загружался, решила еще раз просмотреть Ольгины вопросы. Но листочка с ее каракулями нигде не было.

Я встала из-за стола и осмотрелась. Куда могла запропасться эта бумажка? В последний раз я видела ее тут, возле компа. А-а, вот она, улетела под стол от дуновения ветра из распахнутой балконной двери. Я начала наклоняться за листочком, как вдруг уловила боковым зрением позади себя какое-то движение. Нет, даже не увидела, а, скорее, почувствовала вибрацию воздуха за спиной. Я резко повернулась и...

Реакция оказалась молниеносной (не зря тренер по карате хвалил меня за нее!). Неизвестный мужик, пытавшийся за моей спиной незамеченным прошмыгнуть к входной двери, получил мощный удар кулаком в челюсть. Через секунду за ним последовал второй удар – ногой в голень, окончательно сразивший недруга. Несчастный взвыл и рухнул на пол.

Спокойно, Таня! Без паники!

Заныли костяшки пальцев правой руки. Схватив мобильник, я опасливо покосилась на поверженного врага. Распростертый на полу прямо у моих ног, он лежал неподвижно, глаза его были плотно закрыты. Похоже, не притворяется. Молодец, Танюша, вырубил гада! Хорошо бы он провалялся тут до приезда полиции, тогда мне не придется с ним больше возиться.

Трясущимися пальцами я начала давить на кнопки, и в этот момент мужчина простонал:
– О-о, господи, как больно-то!

Я вздрогнула и чуть не выронила из рук сотовый. Ресницы мужчины затрепетали, он открыл глаза, посмотрел на меня удивленно и сказал обиженно:

– Ты сломала мне ногу. За что? Что я тебе такого сделал? – Заметил мобильник в моих руках и добавил: – Куда это ты хочешь звонить?

Ничего себе: «Что сделал!»! Залез в чужую квартиру в присутствии хозяйки. Прямо у нее на глазах! Поразительная наглость!

Незванный гость предпринял попытку встать с пола, я отпрыгнула от него подальше и зло-радно объявила:

– Звоню в полицию. Сейчас они приедут и заберут тебя.

Дрожащие пальцы никак не попадали на нужную кнопку.

Пытаясь набрать номер, я искоса поглядывала на пришельца. От этого типа можно ожидать всего, поэтому выпустить его из поля зрения нельзя.

Вообще-то грабителей я представляла себе несколько иначе. Этот выглядел не по-грабительски интеллигентным и ухоженным. Прилично одет, тщательно выбрит, ботинки чистые. С таким и в обществе появиться не стыдно. Довольно высокий, сухощавый, русский ежик волос, слегка удлиненное лицо и удивительного цвета глаза – пронзительно-синие, внимательно следящие за моими передвижениями по комнате. Вот только багровое пятно на скуле, оставленное моим кулаком, слегка портило общую картину. Впрочем, шрамы, как известно, украшают мужчину. Симпатичный тип, жаль, что грабитель.

Незнакомец со стоном поднялся на ноги. Я отскочила еще дальше и уперлась в стену. Вот черт! С мобильного на 02 не позвонить, а другого полицейского номера я не знаю. До стационарного телефона не дотянуться. Значит, мне нужен Кирия – Кириянов Владимир Сергеевич, полковник полиции и давний мой друг. Его-то номер я помню наизусть, разбуди меня ночью – произнесу без запинки. А если б и не помнила – не беда, он забит в записную книжку моего телефона.

– Точно, сломала, – укоризненно повторил грабитель. – Болит жутко. Как же я теперь ходить буду? Не звони, пожалуйста, я все объясню.

Он посмотрел на меня умоляюще, повернулся спиной и поковылял к дивану. Сама не знаю, но я почему-то ему поверила. Наверное, потому что доверчиво подставил спину. И еще: было в его глазах что-то такое... даже не знаю, как объяснить. Незнакомец со стоном опустился на диван и наклонился, потирая голень.

– Ну, давай, рассказывай, я тебя слушаю внимательно. Как ты оказался в моей квартире?

– Вошел. Через балконную дверь, она ведь открыта. Я – Олег. А ты?

– Татьяна, – машинально ответила я. Тьфу, черт, зачем ему знать мое имя? – А на балкон? На мой балкон-то ты как попал? С неба свалился, что ли?

– Перешагнул с соседнего.

Мой балкон почти вплотную примыкает к соседскому. При желании и некоторой ловкости перебраться от соседей ко мне легче легкого. Раньше соседский балкончик был увешан цветочными ящиками и уставлен горшками, в которых благоухали фиолетовые флоксы, красные и белые петунии и разноцветные лохматые астры. В прошлом году семья, любовно ухаживавшая за цветами, переехала в другой район. Горшки и ящики с балкона исчезли. Месяца три-четыре назад в квартире появились новые обитатели. Мужчину я видела пару раз, да и то мельком, наверное, вкальвает, бедняга, с утра до позднего вечера, как проклятый, чтобы прокормить свою бездельницу-жену, дамочку лет тридцати, и толстую британскую кошку. Жену я время от времени встречаю у лифта, в который она заползает с кошкой под мышкой. Выгуливает свою питомицу на шлейке во дворе. Сталкиваясь в лифте или на лестничной площадке, мы вежливо здороваемся, но не больше.

– А зачем? – искренне удивилась я. – Зачем пришел на мой балкон? Что тебе в моем доме понадобилось?

Олег смущенно улыбнулся, показав ряд великолепных, словно из рекламы «Блендамеда», белых зубов:

– Так получилось. Случайно.

– Ничего себе, получилось! – возмутилась я. – Случайно залезть в чужую квартиру и...

– ...тут же получить в зубы, тоже случайно, – продолжил Олег с подкупающе виноватой ухмылкой. – От такой красоты! Где научилась так драться?

– Где надо, там и научилась! У меня черный пояс по карате, имей в виду, детка. И зубы мне не заговаривай, не прокатит. Рассказывай, давай, что делал на моем балконе, не то в полицию позвоню.

– Ладно-ладно, расскажу. Только не смейся.

С чего бы это мне смеяться? Когда в твой дом вламываются грабители, не до шуток.

Олег приехал в наш город по делам из Сибири. Должен был встретиться сегодня с одним человеком, но встреча сорвалась. И он решил навестить свою старую знакомую. А тут, как водится, муж ревнивый внезапно из командировки вернулся.

Я хмыкнула. Мой гость посмотрел на меня с укоризной и пробормотал:

– Ничего личного, просто дружеский визит.

Ревнивый муж должен был вернуться домой через три дня, а появился, как назло, именно сегодня и жену о своем прибытии заранее не оповестил. Ну, не в шкафу же было Олегу отсиживаться, в самом-то деле! Некогда ему по шкафам прятаться, его великие дела ждут. Так что мой балкончик очень удачно рядышком оказался, и дверь в комнату я вовремя открыла. Вот Олег и перелез с балкона на балкон, чтоб не нервировать сердитого супруга своей давней приятельницы. Посидел там минут пять, наблюдая за мной в окно. Все ждал, когда я уйду. А я все не уйду да не уйду. Ему надоело на балконе торчать, и он, увидев, что хозяйка повернулась спиной и, нагнувшись, шарит по полу в поисках какого-то предмета, решил рискнуть – проскочить мимо и незаметно улизнуть. Не вышло. Мести ревнивого мужа избежал, но нарвался на мой кулак.

– Значит, из Сибири приехал? – с сомнением спросила я.

– Ну да. Чего так смотришь? Сел в самолет и прилетел. Сегодня рано утром.

– А вещи твои где?

– В камере хранения оставил.

– И когда же назад, домой, двинуть собираешься?

– Пока не знаю. Там видно будет. Как решу свои дела, так и...

– А жить где собираешься? – продолжила я допрос.

– Пока не знаю, там видно будет, – повторил Олег, задумчиво обводя взглядом комнату. Ну и наглец! Похоже, думает: а не найдется ли ему местечко в этом теплом гнездышке?

– Ну, так что? – поинтересовалась я.

– Что «что»? – удивленно спросил пришелец.

– Долго будешь на моем диване рассиживаться?

– А тебе жаль дивана, да, Татьяна? Покалечила, значит, человека, сделала из него инвалида, и пусть валит? Ладно, не беспокойся. Освобождаю твой бесценный диван и ухожу.

Олег резко поднялся с дивана и тут же со стоном присел на корточки. Потер подбитую ногу, поднял на меня свои синие глаза и жалобно так попросил:

– Танечка, может, у тебя найдется что-нибудь обезболивающее?

– Сейчас посмотрю, – сурово ответила я и отправилась на кухню – рыться в аптечке.

Отыскала блистер с остатками нурофена, плеснула в чашку воды из чайника и отнесла Олегу. Он проглотил сразу две капсулы, запил водой и поплелся в ванную. Через минуту я услышала оттуда его вопль:

– Таня-я! У тебя тут авария приключилась! Кран потек.
Ну вот, теперь еще и кран сломал. Ну что за наказание!

Метнувшись в ванную, я увидела страшную картину всемирного потопа: из крана во все стороны хлестала вода. Я схватилась за голову:

– Он только подкапывал. Ты сорвал резьбу! Что теперь делать?

– Не волнуйся, сейчас все сделаю. Тащи инструменты.

Он перекрыл вентиль на трубе, а я бросила в лужу, собравшуюся под раковиной, половую тряпку и отправилась на кухню за инструментами.

Олег присел на корточки перед коробкой с разными железками, которую я поставила перед ним на пол, и принялся копать в ней, вздыхая и задумчиво бормоча что-то себе под нос.

Сначала я, стоя в дверном проеме, молча наблюдала за его действиями, а потом вдруг вспомнила про соседку снизу.

– Вот черт! Та девица говорила, что я затопила нижнюю квартиру!

– Какая девица? – спросил Олег, не поворачивая головы.

Я рассказала ему про незнакомую девушку, которая незадолго до его волшебного появления в моей квартире терлась в прихожей и убеждала меня в том, что я устроила потоп в ее жилище.

– Чудная какая-то девица была, – сказала я. – Наглая и в то же время как будто чем-то напуганная. Дышала тяжело, словно за ней кто-то гнался. И все на вешалку с одеждой так странно посматривала.

Олег, не отрываясь от крана, поинтересовался:

– Скажи, пожалуйста, зачем ты держишь зимнюю одежду на вешалке, когда на дворе, считай, лето? У тебя в прихожей и так не повернуться.

– Сегодня же уберу, – пообещала я. – Знаешь что? Ты тут поработай, а я сбегаю вниз, к соседке, узнаю, как там у нее. Я быстро. Может, и впрямь ее затопила.

Я вышла на площадку, прикрыла за собой дверь и направилась к лестнице.

Дверь мне открыла Марина Васильевна. На носу ее примостились очки с толстыми линзами, в руках она держала толстую книжку в яркой обложке. Выражение лица соседки снизу было ангельски-безмятежным. Из кухни приятно тянуло свежее испеченными пирогами.

– Танечка! Как хорошо, что ты зашла, – обрадовалась Марина Васильевна. – А я тут с утра пирогов напекла. Пойдем чаевничать.

Я проглотила слюну, сдула упавшую на лицо прядку волос, возвела очи к потолку, потом взялась за ручку двери ванной комнаты:

– Можно глянуть?

Соседка оторопела:

– Можно. А что случилось-то, Танечка?

Я открыла дверь и посмотрела вверх. Пластиковые потолочные панели сияли девственной белизной – похоже, дочка Марины Васильевны, зимой приезжавшая из Германии, сделала в квартире матери ремонт.

– Марина Васильевна, ко мне приходила ваша племянница и сказала, что я вас затопила.

– Да ну? О чем ты говоришь, Танечка? У меня все нормально, сама видишь. И какая такая племянница? Нет у меня никакой племянницы.

– Ну как же, Марина Васильевна, маленькая такая блондинка, худенькая, совсем молоденькая, симпатичная, голубоглазая.

– Ты же знаешь, Танечка, у меня только Иришка, но она в Германии. И она не блондинка.

– Знаю, Марина Васильевна, все знаю. Извините, я, наверное, что-то напутала. Наверное, девушка не от вас приходила. У меня кран потек, я боялась, что вода к вам попала. Вот я и подумала...

– Так нужно починить, – перебила соседка. – Перекрой вентиль и позвони слесарю. Хочешь, телефончик дам? Очень хороший юноша и берет недорого.

– Нет, спасибо, у меня уже работает слесарь. Сейчас все сделает. Ну, я побежала.

– А как же чай с пирогом? – крикнула соседка мне вслед.

Взбегая по лестнице на свой этаж, я ругательски себя ругала. Бросила незнакомого мужика, скорей всего, вора, одного в квартире. Наверняка специально кран сорвал, хотел, чтоб я ушла. Сейчас войду, а дома – голые стены. Прикинулся раненой овцой, на жалость давил, а сам – только Танечка за дверь, вытащил из ее дома все ценности. Небось теперь надо мной смеется.

Какие у меня ценности? Да шуба вот хотя бы, почти новая! Всего-то одну зиму и проносила. И зачем только я ее на вешалке всю весну мариновала? Надо было давно в шкаф упаковать. И та девица странная на нее не пялилась бы.

Я внезапно остановилась перед своей дверью. Кстати, зачем она приходила ко мне? Что ей было нужно-то? Зачем она врала, что племянница Марины Васильевны?

Толкнув дверь, я вошла в прихожую. Шуба преспокойно висела на вешалке, дубленка с куртками – тоже. Дверь ванной распахнулась, и оттуда, слегка прихрамывая, вышел Олег. Его джинсы были мокрыми, зато лицо сияло.

– Принимай работу, хозяйка. Подлатал я твой кран. Но слесаря ты все равно позови, в любой момент может опять потоп приключиться. Нет у тебя нормальных инструментов, Татьяна, а это, – Олег пнул ногой коробку, – металлолом. Я там прокладку заменил.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. – У тебя джинсы мокрые.

– Ерунда, через полчаса высохнут. Джинса быстро сохнет. Слушай, Тань, а у тебя пожевать чего не найдется?

– Найдется. Пошли на кухню.

Так уж и быть, накормлю, раз кран починил. Да и самой не мешало бы что-нибудь съесть, со вчерашнего вечера во рту у меня маковой росинки не было. Даже кофе выпить не успела, благодаря тому же Олегу.

Я подхватила со столика чашку с остывшим кофе, вылила его в мойку и вынула тарелки и вилки.

Стрелки на часах приближались к трем. А в шесть у меня, то есть у Ольги Бобровой, интервью с олигархом Жучкиным. Я сообщила об этом Олегу, намекая, что скоро ему придется прервать свой визит. Ишь, пригрелся, смотрит на меня своими загадочными синими глазами, будто сытый кот! Положив на тарелку обглоданную куриную косточку, он аккуратно вытер губы и пальцы бумажной салфеткой и произнес:

– Понятно. Значит, ты, Таня, журналистка.

– Не совсем. И вообще, это первое интервью в моей жизни. Надеюсь, что последнее.

– Почему надеешься?

Пришлось подробно рассказать ему про Ольгу и ее поручение. Олег внимательно выслушал, а потом объявил:

– Знаешь, я, пожалуй, поеду с тобой.

– Это еще зачем?

– Затем, что я профессиональный фотограф и могу сделать для твоей Ольги классные снимки. И у меня отличная фотокамера. Только она в сумке осталась, а та, как тебе известно, в камере хранения. Времени у нас полно, так что ты пока красоту на личико наведи, а я за сумкой сгоняю, туда и обратно, – он собрал грязную посуду со стола и отправил все это в мойку.

А я взяла свою косметичку, пошла в ванную и вскоре услышала голос Олега:

– Я ушел, закрой за мной дверь.

Дверь хлопнула, и в этот момент в мою голову пришла неожиданная мысль. А что, если этот мужчина, с которым я познакомилась при таких необычных обстоятельствах, и есть моя

судьба? «Я ушел, закрой за мной дверь» – эти обыденные слова, не задумываясь, повторяют тысячи мужей, отправляясь по утрам на работу. Что, если Олег и есть мое будущее? То, о чем я давно и страстно мечтаю? Супруг, возлюбленный, друг, человек, которого хочется каждый день, каждую минуту видеть рядом, ощущать всеми фибрами своей души.

А кстати, что это за зверь такой – фибры? Может, что-то вроде жабров? Или правильно «жабер»? Нет, наверное, все же «жабр».

Господи, о чем это ты, Таня? Тебе нужно думать о предстоящем интервью. Выброси все эти глупости из головы и займись делом. Ты ведь разумная женщина!

Как могла, я уложила свои непослушные волосы. Сделала вечерний макияж, надела платье и уселась за компьютер, чтобы поискать какую-нибудь информацию о Жучкине. Ничего компрометирующего поисковики не выдавали, Жучкинская жизнь оказалась благопристойной и до зубовного скрежета правильной. Она уложилась в несколько строчек:

Вениамин Жучкин подарил детскому дому компьютер и плазменный телевизор.

Вениамин Альфредович Жучкин принял участие в благотворительном марафоне ко Дню защиты детей.

В. А. Жучкин вместе с другими тарасовскими бизнесменами побывал на межрегиональном форуме «Бизнес-Успех».

Хотя зачем мне много информации о нем? Мое дело маленькое – задать добропорядочному гражданину и меценату Жучкину Олечкины вопросы и получить на них ответы. После чего передать материалы Ольге и спокойно отвалить на отдых в экзотический рай.

Глава 3

Из квартиры мы вышли за полтора часа до назначенного срока. Вообще-то, от моего дома до жучкинской усадьбы ехать не более часа, но, учитывая безумные тарасовские пробки, ничуть не уступающие столичным, я на всякий случай решила накинуть еще тридцать минут.

Стараясь не помять коктейльное платье и жалея, что не надела привычные джинсы, я осторожно уселась на водительское сиденье. Олег устроился рядом. Он был все в тех же джинсах, однако ради торжественного случая надел серый пиджак. На коленях у него лежала сумка с фотокамерой.

Честно признаюсь: общество Олега меня нисколько не напрягало, напротив, доставляло громадное удовольствие. Мой спутник оказался интересным собеседником, о котором водитель, вынужденный черепашим шагом тащиться в потоке таких же бедолаг, может только мечтать.

Всю дорогу Олег рассказывал смешные истории из своей репортерской жизни – работал он на одном из каналов красноярского телевидения. Я смеялась и одновременно думала, как выведать у него информацию о семье. Интересно, есть ли у него жена? Или подруга? Не может быть, чтобы не нашлось женщины, до сих пор не прибравшей этого мужчину к рукам.

Когда до владений Жучкина оставалось всего ничего и в нашей беседе возникла пауза, я начала издали:

– Олег, у тебя в Красноярске своя квартира?

– Да, а что? – он повернул голову и посмотрел на меня.

– Да так... Хотелось бы знать, насколько дороже у вас коммуналка. Просто интересно, сколько стоит в Сибири содержание однушки вроде моей.

Он пожал плечами:

– Не знаю, у меня двушка. Не слишком-то просторная, но нам с сестрой хватает.

Ага, значит, живет с сестрой, подругой там и не пахнет. Я постаралась не показать свою радость:

– У тебя есть сестра? Младшая?

– Да.

– Сколько ей лет?

– Заканчивает одиннадцатый класс, – ответил он, и по его тону я поняла, что развивать эту тему у него нет желания.

Развивать ее и не пришлось: мы уже приехали.

Поселок, где обосновался Жучкин, был охраняемым, но никаких проблем с Ольгиными корочками не возникло: охранник бросил на них ленивый взгляд, скользнул глазами по нашим физиономиям, записал что-то у себя в будке и поднял шлагбаум, пропуская мою давно не мытую «девятку».

Трехэтажный домишко Жучкина поражал своим великолепием. Башенки, шпили, колонны и полуколонны, балкончики и балюстрады – всего этого было так много, что дом производил впечатление дворца турецкого султана. Олег даже присвистнул от восторга. Вынул из машины камеру, но не успел расчехлить ее, как дверь рядом с воротами открылась и из нее вывалился амбал с блестящим черепом. Камера в руках Олега охраннику очень не понравилась, но когда я объяснила, кто мы такие, и показала Ольгино удостоверение, он слегка подобрел и пригласил нас внутрь. Олег замешкался снаружи, видимо, все еще рассчитывал сделать хотя бы пару снимков. Однако охранник снимать не дал, заявив, что некрасиво заставлять такого человека, как Жучкин, ждать. В этот момент до меня, наконец, дошло: фотографировать дом снаружи нам не позволят ни при каких обстоятельствах. Даже если ты наичестнейший владелец кафе и чего-то там еще, не задолжавший налоговикам ни копейки, добрый благотво-

ритель, поддерживающий сирот и талантливых деток, тебе все равно не следует раздражать небогатое тарасовское население чересчур роскошным видом своей султанской хоромины.

В огромном холле с множеством дверей и широкой лестницей, ведущей на второй этаж, нас встретил тощий молодой человек со светло-голубыми, почти прозрачными глазами.

– Юрий Николаевич, секретарь Вениамина Альфредовича, – представился он. – Можно просто Юра. А вы Ольга Васильевна, да?

– Можно просто Оля, – кивнула я, понимая, что не помню Ольгиного отчества, хотя в удостоверении оно написано. Но раз он сказал «Васильевна» – значит, так оно и есть. На всякий случай добавила: – Издательство «Тарасовский бомонд».

Секретарь вопросительно посмотрел на Олега, и тот вышел из-за моей спины, протянул ему руку и назвал свое имя.

– Олег со мной, он должен сделать несколько снимков для нашего журнала, – торопливо пояснила я, понимая, что никакого фотографа в программе визита заявлено не было. Олечка отлично управлялась с фотоаппаратом сама.

Юрий чуть расслабился и улыбнулся тщательно отработанной дежурной улыбкой:

– Пойдемте, Вениамин Альфредович вас ждет. У него всего пятнадцать минут, так что постарайтесь уложиться.

Пока мы поднимались по лестнице на третий этаж, а потом шли по длинному коридору, я попыталась прояснить обстановку:

– Скажите, Юра, а Волочкова приехала?

– Нет, – секретарь вздохнул, и я догадалась, что он огорчен. Ему, наверное, очень хотелось встретить сегодня вот так, как нас, на пороге сверкающего огнями дома экс-балерину всея Руси. – Ее ждали к восьми вечера, но, к сожалению, у Анастасии Юрьевны поменялись планы. Она прилетит завтра, прямо к открытию балетной школы.

– А министр?

– Министра, похоже, тоже не будет, – равнодушно ответил Юрий, на этот раз ничуть не огорченный отменой визита высокого лица. – Приедет его зам, Галина Сергеевна.

Мне хотелось узнать как можно больше о тех, кого еще ждут и кто уже прибыл: на площадке возле забора, окружавшего жучкинский дом, стояло, помимо моей грязненькой «девятки», несколько роскошных авто. Без этой информации Олечке никак не обойтись.

– Юра, а не могли бы вы дать мне списочек гостей? – попросила я. – Со всеми регалиями. Чтобы никого не обойти вниманием в статье.

– Дам, конечно, – согласился секретарь, останавливаясь перед солидной деревянной дверью. – Подождите.

Он юркнул за дверь, плотно прикрыв ее за собой. Олег сжал мой локоть и шепнул:

– Боишься?

– Еще чего! – возмутилась я. Если бы ты знал, дорогой, в каких передрыгах мне довелось побывать, ты бы не спрашивал, боюсь ли я какого-то жалкого интервью.

Тут дверь распахнулась, и мы предстали перед хозяином дома. Это был довольно высокий подтянутый мужчина лет сорока пяти, одетый в дорогой темно-синий костюм. На его худом смуглом лице выделялись густые черные брови и глубоко посаженные серые глаза, внимательно нас изучавшие. Жучкин обменялся коротким рукопожатием с Олегом и приглашающим жестом указал на стоявшие у левой стены низкие темно-коричневые кресла, окружавшие маленький стеклянный столик:

– Прошу сюда.

Юрий, выполнивший свою миссию, выскользнул в коридор и осторожно прикрыл за собой дверь.

Олег остался стоять посреди комнаты, держа наготове камеру и осматриваясь по сторонам. Я опустила в одно из кресел и закинула ногу за ногу, радуясь, что догадалась

надеть парадные туфли на шпильках. Они отлично гармонировали с окружающей обстановкой. Обвела взглядом кабинет. Массивный письменный стол красного дерева, такого же цвета шкаф с книгами, портрет президента над спинкой высокого кресла за столом и картины на стенах. В основном лошади, но была еще парочка портретов (помимо президентского) и несколько скромных пейзажей. В живописи я разбираюсь слабо и все же решила начать допр... то есть интервью именно с нее.

Когда хозяин кабинета уселся напротив, я включила маленький Олечкин диктофон, но не успела рта открыть, как Олег защелкал фотоаппаратом, то и дело повторяя:

– А теперь еще разок. И еще. И еще.

Этих «еще», сопровождавшихся вспышками света, было так много, что я устала держать глаза распахнутыми.

– Ну что ж, начнем, а то у нас совсем мало времени, – остановил приткого фотографа Жучкин.

Я облегченно заморгала, убрала с лица радостный оскал, включила диктофон и начала:

– Вениамин Альфредович, вижу, что вы большой знаток живописи, особенно лошадиной.

– Иппической, Оля, – поправил Жучкин.

– Эпической? – переспросила я.

– Иппической, – терпеливо повторил Вениамин Альфредович, нажимая на первую гласную.

– Да-да, иппический, – согласно закивала я. – Ипподром, жокеи, Дега...

Жучкин чуть заметно усмехнулся, в его снисходительном взгляде читалось: «Боже, какая дура! Ну да ладно, красивой женщине не обязательно быть умной».

– Дега, скажем, здесь нет. Пока. Зато есть Стаббс. А это – Ватагин. Трофимов. А вот там портрет Алессандро Медичи кисти Вазари, – Вениамин Альфредович с нескрываемой гордостью указал на смуглого толстогубого господина с кучерявыми волосами, восседавшего на черной с лоснящейся шкурой лошадке.

Портрет был совсем небольшим, потемневшим от времени и не слишком впечатляющим, но, судя по тому, с какой гордостью взирал на него владелец, стоил немалых денег. О Медичи я знала только то, что некоторые члены этой милой флорентийской семейки прославились в качестве меценатов, ловких интриганов и безжалостных отравителей. О Вазари знала и того меньше. Кажется, он писал чьи-то биографии. И я поспешила сменить тему, тем более что Вениамин Альфредович уже начал посматривать на «Ролекс», красовавшийся на левом запястье.

– Вениамин Аркадьевич, в нашем городе, и не только в нем, вас знают как успешного бизнесмена, мецената, щедрого благотворителя, – с пафосом начала я. – Вы много сделали для того, чтобы у нас в Тарасове открылась балетная школа для девочек имени Айседоры Дункан. Но почему именно балет?

– Ну, почему балет?.. Не только балет, есть еще, например, арт-галерея, куда я...

Узнать увлекательные подробности участия Жучкина в делах арт-галереи мне, а значит, и Ольге было не суждено: на письменном столе заныл телефон. На этой ноте мое первое в жизни интервью, едва успев начаться, завершилось.

– Извините, Оля, но мне нужно идти, – сказал Жучкин и почти вытолкнул нас из кабинета. – Сейчас подъедет министр. Мой секретарь проводит вас в зал, к гостям.

Значит, министр все же передумала и решила завернуть на огонек к Жучкину. Вид у Вениамина Альфредовича был страшно озабоченный. Он так торопился, что почти бежал по лестнице вниз.

Оказавшись в холле и проводив глазами Жучкина, который вышел во двор, я обнаружила, что Олег, послушно спускавшийся за нами, исчез. Но не успела подумать, как поступить:

отправиться на его поиски или отыскать секретаря, обещавшего список гостей, – как услышала за спиной знакомый голос:

– Извини, Танечка, что бросил тебя. Шнурок развязался.

Я повернулась и посмотрела на его ноги, обутые в кроссовки. Перехватив мой взгляд, Олег ухмыльнулся:

– Но я же не знал, что попаду на прием к олигарху. И вообще, еще сегодня утром я даже не догадывался, что встречу с тобой.

Я молчала, и он добавил:

– Зато ты просто великолепна в этом наряде.

Его синие глаза смотрели на меня полунасмешливо-полувосхищенно, и догадаться, о чем он на самом деле думает, было невозможно.

– Как твоя нога? Уже не болит?

– А знаешь, почти прошла. Наверное, от тех замечательных таблеток. А вот и секретарь.

Я обернулась и увидела спешившего к нам Юру. В правой его руке был какой-то листок.

– Вот то, что вы просили, Ольга Васильевна. Список гостей. Пойдемте в зал. Там пока еще немного гостей, но это и хорошо.

Почему это хорошо, он пояснять не стал. Открыл перед нами дверь и отступил в сторону.

За окнами сгущались синие сумерки, в зале уже горели люстры. На длинных столах, покрытых красными скатертями с оборками по краям, стояли тарелки с закусками, бутылки и фужеры для вина. Гости, маленькими группами рассеявшиеся по комнате, общались между собой, две дамочки в вечерних нарядах бродили вдоль стола с голодными глазами и высматривали деликатесы.

Я остановилась сразу за порогом, оглядывая присутствующих в напрасных поисках хотя бы одного знакомого лица.

– О черт! – тихо выругался позади меня Олег. – Забыл камеру на подоконнике, когда шнурок завязывал. Я быстро.

Юра тоже ушел, вероятно, помочь хозяину встретить министра со свитой. Я осмотрелась. От группы людей, стоявших посреди зала, отделилась тонкая фигурка со светло-рыжей гривой волос и направилась в мою сторону. На девушке было атласное платье бирюзового цвета с длинным разрезом на боку, в ушах и на шее сверкали крупные бриллианты.

При ближайшем рассмотрении девица оказалась весьма хорошенькой и очень молоденькой, не старше 18–20 лет. Она с секунду изучала меня, а потом открыла ярко накрашенный ротик, из которого горохом покатались слова:

– Я Анжела, а вы Оля, я знаю, вы журналистка, мне Юра сказал, вы пришли к моему мужу брать интервью, вы работаете в шикарном журнале, да? А вам нравится «Космополитен»? – И, не дожидаясь ответа: – Мне – очень, мой любимый журнал. Значит, вы журналистка? Здорово! А я училась на менеджера, но бросила, потому что решила стать певицей, и Веня обещал мне помочь. У меня хорошие голос и слух, так моя учительница музыки говорила. А вы умеете петь? А кто вам больше нравится, Валерия или Нюша?

Тут она, наконец, сделала паузу, чтобы и я могла вставить словечко. Но пока я соображала, что ответить, Анжела узрела новых персонажей, входивших в зал, – солидную даму в сопровождении тощего юноши, – и, потеряв ко мне всякий интерес, упорхнула к ним.

Вот и отлично, значит, теперь можно безо всяких помех перекусить. Я взяла из стопки на столе тарелку и поискала глазами фуа-гра, о которой вчера твердила Ольга. Не нашла ничего похожего и положила на свою тарелку канапку с красной рыбой, маслиной и еще чем-то не очень понятным. Затем взяла с блюда тарталетку с красной икрой, но не успела поднести ее ко рту, как в сумочке ожил давно молчавший мобильник.

Звонила моя бывшая классная, математичка Наталья Сергеевна Петрушина. Голос ее, в котором всегда звенел металл, действующий на школьных охломонов, замученных знаниями, как ушат холодной воды, сегодня звучал глухо и безрадостно:

– Танечка, милая, ты сейчас очень занята?

– Есть немного, – ответила я. – Но говорить могу, Наталья Сергеевна.

– У нас беда.

– Что случилось? – спросила я, начиная догадываться, что дело, скорее всего, в Ниночке, дочке Натальи Сергеевны, с которой вечно приключались всякие крупные казусы и мелкие неприятности.

– Не по телефону, Танечка. Не могла бы ты ко мне приехать?

– Сегодня? – я посмотрела на часы и не поверила своим глазам: уже почти девять!

И куда это запропастился Олег? Неужели до сих пор ищет камеру, которую кто-то скоммуниздил? Но кто? В этом доме не бывает случайных людей. А те, кого я вижу здесь, вряд ли польстятся на фотоаппарат, даже такой навороченный. Хотя кто знает... Попала же сюда мнимая Оля Боброва, она же Таня Иванова!

– Если можно, то сегодня, – мягко, но настойчиво попросила бывшая классная. – У нас с Ниночкой большие проблемы. Все очень, очень плохо.

Ну конечно, дело в Ниночке, чутье меня не подвело.

– Хорошо, Наталья Николаевна, я скоро приеду к вам, – сказала я и отключилась.

Услышавший эти слова желудок возмущенно запротестовал. Я с сожалением посмотрела на тарталетку с икрой, быстро огляделась по сторонам и втиснула в сумочку большую грушу, выуженную из вазы с фруктами.

В холле было пусто. Ни Юры, ни Олега, ни вообще кого бы то ни было. Ну и черт с ним, с Олегом! Бегать за ним не собираюсь, пусть добирается до города как хочет.

Открывая дверь, я едва не столкнулась лбом с Юрой.

– Уже уходите? – спросил он.

– Да, у меня дела. Приехала министр?

– Ждем. На трассе громадная пробка. Три легковушки столкнулись с «КамАЗом».

– Жуть! – произнесла я, соображая, сколько времени потребуется мне, чтобы добраться до дома Натальи Сергеевны, которая живет в Трубном районе. – Юрий Николаевич, если увидите моего фотографа, передайте ему, что меня срочно вызвало к себе начальство.

Он пообещал, и я направилась к своей «девятке». Кивнула на прощанье охраннику, уселась в машину и вынула из сумочки грушу. Съела ее, приоткрыла окно и выстрелила огрызком в темнеющие на обочине кусты. Желудок, радостно принявший эту маленькую жертву, перестал роптать. Порядок, теперь можно ехать.

Всю дорогу, которая оказалась очень долгой, я думала о своей любимой учительнице и ее дочери и пыталась понять, почему у такой умной мамы вырос такой бестолковый ребенок. За свою долгую учительскую карьеру Наталья Сергеевна направила на путь истинный не один десяток балбесов, многие ее питомцы достигли в жизни тех или иных высот. А вот с собственной дочерью у нашей математички вышел сбой.

Нина Петрушина – жизнерадостная и добрая девушка двадцати двух лет от роду. Ее симпатичная мордашка почти всегда лучится улыбкой. Она была бы обычной девчонкой, ничуть не хуже других, если бы не одно «но». Точнее, этих «но» оказалось целых три. Ниночка паразитально легкомысленна, беспредельно доверчива и невероятно бестолкова. Я знаю Нину и ее маму не один год, и все это время меня мучает вопрос: почему у такой женщины, как Наталья Сергеевна, выросло столь неразумное дитя?

Нина была поздним ребенком. Наталья Сергеевна растила ее в одиночку, если, конечно, не брать во внимание некоторую помощь со стороны старой и больной бабушки – Натальиной матери. Муж Петрушиной, Ниночкин отец, покончил с собой вскоре после рождения дочери.

Один из моих одноклассников, сын нашей русички, по секрету поведал нам, что до самоубийства беднягу довели то ли кредиты, то ли финансовые пирамиды, а может, то и другое сразу.

Как и большинство поздних детей, Нина была долгожданным и любимым ребенком, и Наталья Сергеевна из шкуры готова была вылезти, чтобы ее дитя ни в чем не нуждалось. Она, конечно же, мечтала, что дочь получит хорошее образование. Но этой мечте не суждено было сбыться: Нина оказалась туповатой, четверки в школе ей ставили исключительно из уважения к матери. Несколько лет назад она с трудом окончила медучилище и теперь маялась в физиотерапевтическом кабинете районной поликлиники, страстно мечтая о достатке и принце на белом коне. Хотя и не на конях, но принцы иногда галопом врывались в Ниночкину жизнь, и она пылко в них влюблялась. Очень влюбчивая оказалась дочка у моей учительницы. Но до свадьбы дело ни разу не дошло, обычно через пару месяцев, а иногда и пару недель наступало отрезвление. Иногда разочаровывалась Нина, но чаще первыми с ее горизонта исчезали принцы. Случалось, что вместе с ними из дома Петрушиных пропадали деньги и ценные вещи.

Наталья Сергеевна очень переживала за дочь и надеялась, что та в конце концов поумнеет – остепенится и найдет себе хорошего человека, за которого не стыдно выйти замуж. Но я бы на месте Петрушиной на это сильно не рассчитывала.

Жили мать и дочь небогато, да и как разбогатеть на доходы школьной учительницы и крошечную зарплату медсестры, которую Ниночка, любившая яркие тряпочки и веселые развлечения, не всегда успевала донести до дома. Жалея девушку, я пристроила ее к своей пожилой соседке Аделаиде Амвросиевне, когда той потребовалась медсестра, умеющая делать уколы.

Теперь я ехала и гадала, что же такого могла натворить Нина, если ее мать попросила меня приехать к ней практически ночью?

Когда я подошла в двери Петрушиных, шел уже одиннадцатый час.

Перемена, произошедшая с Натальей Сергеевной, меня поразила. Осунувшееся лицо, запавшие глаза, потухший взгляд, губы, сжатые в узкую скорбную линию. Пару месяцев назад, когда я последний раз видела ее, это была цветущая моложавая дама, теперь же передо мной стояла замученная жизнью старуха.

– Проходи в комнату, Танечка, я сейчас, – сказала Наталья Сергеевна и, сгорбившись и шаркая домашними шлепанцами, ушла на кухню.

Я вошла и осмотрелась. Ничего вроде бы не изменилось с тех пор, когда я была здесь в последний раз. Та же старенькая полированная стенка, те же книги на полках. Я присела на диван. Из кухни донесся резкий свист чайника и голос Натальи Сергеевны:

– Чай будешь, Таня?

– Не откажусь, – согласилась я, с тоской вспоминая жучкинский особняк и столы, ломившиеся от закусок.

– Тогда иди на кухню.

Наталья Сергеевна поставила передо мной чашку, налила в нее чай, вынула из шкафчика сахарницу и вазочку с печеньем и села напротив.

– А где Нина? – спросила я, удивленная отсутствием Натальиной дочери.

Обычно она выходила из своей комнаты, едва заслышав мой голос. Гостей Нина обожала с детства. Будучи еще совсем малявкой, она выскакивала, как черт из табакерки, когда мы, необузданная стая старшеклассников, вваливались в квартиру нашей классной, и, жизнерадостно повизгивая, путалась у всех под ногами.

Услышав мой вопрос, Наталья Сергеевна заплакала. Плакала она молча, слезы медленно текли по ее лицу, покрытому сеточкой морщин. Я молчала, в ужасе глядя на нее. Такой нашу математичку я никогда не видела. Наконец она взяла себя в руки, достала из кармана носовой платок, высморкалась и произнесла чуть дрожащим голосом:

– Извини, Танечка, что-то я совсем распустилась. В полиции моя Ниночка. Арестовали ее. Поэтому-то я и попросила тебя приехать.

– Как в полиции? За что? – не поверила я.

– За убийство.

Не может быть! Да, дочь Натальи Сергеевны – глупая и легкомысленная девица, в этом и сомневаться не приходится. Да, иногда она всех раздражает своими поступками. Но чтобы убить кого-то... Нет, на такое Ниночка не способна, она и мухи не обидит.

– Но как же так... Ваша дочь не могла никого убить.

– Вот и я так говорю! Только они не верят. Таня, я очень тебя прошу, – она схватила меня за руку и заглянула в глаза. – Ниночка – это все, что у меня есть! Я знаю, ты можешь... я заплачу. Сколько ты обычно берешь за час расследования?

– Ну что вы, Наталья Сергеевна! О чем вы говорите! Конечно же, я постараюсь вам помочь. Бесплатно. Все силы приложу. Но мне нужно знать все, всю информацию. И тогда я вам скажу, смогу ли что-то сделать или нет. Расскажите, что произошло.

– Они считают, что Нина убила твою соседку, Таня.

Я не верила своим ушам. Мою соседку? Эту мадам с британской кошкой, у которой ревнивый муж, загнавший Олега на мой балкон? Но при чем тут Нина? Что она делала в их квартире?

Я с изумлением посмотрела на свою бывшую классную.

– Твою соседку, эту... с необычным именем, – пояснила она. – Адель...

– Аделаиду Амвросиевну? – догадалась я. – Она умерла? Быть того не может. Я видела ее живой и здоровой.

В глазах Натальи Сергеевны загорелся огонек надежды:

– Когда?

– Вчера. Или позавчера. Не помню.

Плечи Петрушиной опустились, огонек в глазах потух.

– Ее убили сегодня утром. Так мне сказали полицейские, которые приехали за Ниной.

– Расскажите мне все по порядку, Наталья Сергеевна, – попросила я, – и постарайтесь ничего не упустить.

Петрушина рассказала все, что ей было известно. Убитую обнаружил социальный работник. Полицейский особо не распространялся о деталях, но, когда Наталья Сергеевна горой встала на защиту дочери, он обмолвился, что старушке проломил голову хрустальной вазой, причем именно в то время, когда там была Нина, приехавшая делать Аделаиде два укола – внутримышечный и внутривенный. Нина все отрицала, говорила, что действительно должна была сегодня приехать к Аделаиде Амвросиевне, но отменила свой визит.

– Почему отменила? – спросила я.

Учительница досадливо всплеснула рукой:

– Говорит, из-за свидания.

– Но это же алиби! – обрадовалась я. – Если, конечно, она в самом деле была на свидании.

А с кем, вы знаете?

– В том-то все и дело! Нина пыталась этому парню звонить при полицейских, но номер оказался недоступен. Адреса его она не знает. Она не знает даже его фамилии. Только имя – Рома.

– А вы? Вы его когда-нибудь видели, Наталья Сергеевна?

– Нет. Ниночка познакомилась с ним недавно, дней пять назад. Ну, ты же знаешь, Таня, как моей дочери не везет с молодыми людьми. Господи, какой позор! Хорошо, что эти, из полиции, были в штатском. Бедная моя девочка, она погибнет там!

Я попыталась утешить несчастную мать:

– Не нужно отчаиваться, Наталья Сергеевна, милая! Выпустят вашу Нину, обязательно выпустят. Если ее там сегодня не было... Значит, был кто-то другой. И он наверняка оставил следы. Невозможно не оставить на месте преступления никаких следов, это я вам как профессионал говорю. Наверняка преступника кто-то видел.

– Вот и этот, в штатском, мне сказал...

– Что сказал?

– Что кто-то из жильцов видел сегодня Нину.

– Но ведь ее там не было!

Наталья Сергеевна молчала, и мне вдруг стало ясно: она сама не знает, была ли ее дочь сегодня у Аделаиды или нет. Она верит и не верит. Нина ездит к старушке уже вторую неделю, и кто-то из соседей наверняка ее запомнил. Но убить... Нет, Нина не могла этого сделать! И потом, зачем ей убивать Аделаиду? Ну да, характер у пожилой дамы не сахар, в сердцах она может сказать любую гадость, но зачем ей говорить гадости милой и улыбчивой девочке Ниночке, которая делает ей полезные для здоровья уколы? Да и Нина не стала бы обижаться на вредную старушеницу: она работает в поликлинике и капризных бабушек и злобных дедушек повидала уже немало. Зачем ей убивать Аделаиду Амвросиевну?

– Наталья Сергеевна, если Нина никого не убивала, а мы с вами знаем, что она никого не убивала, следователи разберутся и ее отпустят. Зачем им сажать невинного человека?

– А зачем им искать преступника, если есть Нина? Ее видели на месте преступления, у нее нет алиби, – резонно заметила Петрушина. – Зачем им напрягаться и кого-то искать, когда можно быстро засадить в тюрьму невинного и отчитаться о проделанной работе. Ты же знаешь нашу полицию и наше правосудие. Танечка, я видела их! Я видела, что они ей не верят. Они считают, что она врет. Думают, что это она убила и ограбила твою соседку, а теперь пытается вывернуться.

– Ее ограбили?

Наталья Сергеевна лишь плечами пожала:

– Так сказал один из полицейских.

– Может, этот Рома еще проявится, – предположила я. – Мало ли, почему телефон недоступен. А у вас нет его номера?

Она покачала головой и пояснила, что мобильник Ниночки полицейские забрали с собой. Они забрали также одежду и обувь, в которой она вчера выходила из дома.

Было ясно, что Наталья Сергеевна рассказала все, что знала. Теперь добывать информацию мне придется в других местах.

За окном давно стояла ночь, глаза у меня слипались. Попрощавшись с учительницей и пообещав ей сделать все возможное и невозможное для освобождения Ниночки, я поехала домой.

В машине я изо всех сил старалась не уснуть, в лифте тихо дремала.

Сон пропал, как только я вставила ключ в замочную скважину и попыталась открыть замок. Проклятый ключ никак не желал поворачиваться. Я терзала его до тех пор, пока до меня не дошло: дверь открыта, потому-то ключ и не идет в нужную сторону.

Приоткрыв дверь, я осталась стоять на пороге, раздумывая: войти или сначала позвонить в полицию? А вдруг за дверью грабители с дубиной и пистолетом? Может, это я сама, отправляясь к Жучкину, забыла закрыть дверь на ключ? Заболталась с Олегом и забыла.

Нет, этого не может быть, прежде со мной такого никогда не случалось!

Послышался скрип поднимающегося лифта, и это решило дело. Я толкнула входную дверь, шагнула внутрь, пошарила рукой на стене в поисках выключателя, зажгла свет и застыла на пороге.

Все, что сегодня утром висело в прихожей, теперь валялась на полу в ужасающем беспорядке. Вещи не просто снимали, их яростно срывали с крючков и в бешенстве швыряли на пол.

Не удивлюсь, если он (или это была она?) топтался по моей шубе, дубленке и курткам. Но кто, кто мог так надругаться над моим имуществом?

Я перевела взгляд на дверь, ведущую в единственную комнату моего скромного жилища. Она была распахнута, и взору открылась еще более страшная картина. На полу были разбросаны мои платья, юбки, колготки, нижнее белье, документы, книги... Нет, это какой-то кошмар! Какой мерзавец все это сотворил?

Я стояла в прихожей, как соляной столб, ничего не понимая. Хлопнули двери лифта, и на мое плечо опустилась тяжелая рука.

Глава 4

– Как ты меня напугал! – воскликнула я.

– Извини, я не собирался тебя пугать. А что за тайфун пронесся по твоей квартире, Таня? – Олег удивленно рассматривал пол, засыпанный вещами. – А-а, понял, понял, это называется «генеральная уборка».

– Издеваешься? – от злости я ткнула его кулаком в бок так, что он охнул. – Какая генеральная уборка в два часа ночи?

– Ну да, в два часа ночи в вечернем платье и туфлях на шпильках, – согласился он, окинув меня взглядом.

Я посмотрела на него в упор и тихо прошипела:

– Кстати! А что ты тут делаешь?

Он не отвел взгляд. Синие глаза смотрели на меня, как всегда, немного насмешливо.

– Как – что? Ты же сама пригласила меня.

– Что-то не припоминаю.

– И потом, тут мои вещи, если ты не забыла. Я забрал их из камеры хранения.

– Уж не знаю, можно ли тебе доверять, – пробормотала я.

– А тебе, Таня? Тебе доверять можно? Ты улизнула от Жучкина и бросила меня там. И даже не предупредила.

– Бедный маленький мальчик! Его бросили в лесу, в чужом городе, совсем одного...

Я просила секретаря передать тебе. Он не сказал?

– Сказал. Мне пришлось самому оттуда выбираться.

– Пешком что ли шел? – съехидничала я. – И к двум часам ночи дошел.

– Ну почему пешком, на автобусе. Только когда я приехал, тебя не было.

– Во сколько ты приехал?

– Точно не помню. Наверное, часов в десять. Было уже совсем темно.

– А дверь? Дверь была заперта?

– Да.

– Ты уверен?

– Конечно. Я проверил.

– Пнул ногой?

– Слегка. Она не открылась. Была заперта.

– Бедная моя дверь, – вздохнула я и стала собирать вещи с пола и заталкивать их в шкаф.

Ладно, разберу завтра, не ночью же этим заниматься! – А теперь еще и ограбление...

– Я помогу, – сказал Олег, наклоняясь. – Отсюда что-то унесли? Симпатичные трусики.

– Дай сюда, – я выхватила из его рук свои парадные трусики и прочие тряпки, которые он успел сгрести с пола. – Лучше повесь в прихожей все, что там валяется. На плечики. Эта скотина оборвала вешалки.

– Тогда уж сразу в шкаф, – возразил Олег. – Зима давно кончилась, Таня. Так что же они унесли?

– Понятия не имею, – я заглянула в шкатулку, стоявшую на третьей полке в шкафу. Надо же, грабителя не прельстили мои побрякушки, даже золотая цепочка и колечко с бриллиантом на месте! Может, впопыхах он просто не заметил шкатулку с сокровищами, прикрытую баннным полотенцем?

Олег, руки которого были заняты шубой, заглянул через мое плечо, и я захлопнула крышку.

– Похоже, что у тебя что-то искали, – сказал Олег, аккуратно расправляя норку на плечиках и любясь своей работой. – Причем целенаправленно. Может, какую-то важную бумагу?

– Нет у меня никаких важных бумаг, кроме паспорта. Но он у меня в сумочке, к счастью. И все остальное здесь, – сообщила я, вытаскивая из-под сваленных на пол подушек свое свидетельство о рождении и диплом об образовании.

– Странно, очень странно. За чем-то они все же приходили!

– Ладно, подумаю об этом завтра на досуге, когда в голове прояснится. А кстати, где ты-то сам был, когда ушел отсюда в десять часов?

Он посмотрел на меня с обезоруживающей улыбкой:

– Да шатался по городу. Достопримечательности ваши изучал. Потом сидел в баре. Пока не выгнали. Думал уже, что придется ночевать на вокзале. А потом решил вернуться сюда и увидел свет в твоём окне.

– Ясно, – рассеянно произнесла я, обводя глазами комнату, которая приобрела вполне приличный вид. – Вроде все. Спасибо за помощь.

– Да не за что, всегда рад помочь, – он подошел ко мне совсем близко, так, что я почувствовала на своем лице его дыхание, и посмотрел на меня своим загадочным синим взглядом. – А знаешь, Таня, ты очень красивая. Тебе кто-нибудь об этом говорил?

– Знаю, говорили, причем не один раз, – мне хотелось ответить резко и пренебрежительно, но почему-то не получилось. То ли от усталости, то ли это загадочный взгляд так подействовал.

Наверное, именно взгляд, потому что, когда Олег дотронулся губами до моих губ, я, помимо своей воли, потянулась к нему. Поцелуй был таким долгим, что у меня перехватило дыхание.

А в следующую минуту мы уже срывали друг с друга одежду и бросали ее на пол.

* * *

Проснулась я поздно, когда нахальное солнце уже всюю хозяйничало в комнате. Ощущение выхода из сна было приятным, но, повернувшись на бок, я обнаружила, что Олега рядом нет. Не было и его одежды, а моя, аккуратно сложенная, лежала на стуле. Я вскочила, накинула халат и бросилась на кухню, но нашла там только записку на столе: «Не захотел тебя будить, ты так сладко спала. Ушел по делам, когда вернусь, не знаю. Извини, но я взял второй ключ, он валялся в прихожей, в углу. Не хочется снова слоняться по городу до ночи и ждать, когда ты вернешься».

Наглец, подумала я и улыбнулась. В комнате я обнаружила фотокамеру – она лежала на видном месте, на столе у компьютера, – и сумку Олега за креслом. Я испытала сильное искушение порыться в ней, но после недолгих размышлений решила отложить это важное дело на потом. Сначала нужно составить план действий. Необходимо как можно быстрее вытащить Ниночку из цепких лап полиции!

Я принесла на кухню шариковую ручку, перевернула записку Олега на чистую сторону, поставила единичку, добавила к ней жирную точку и задумалась. Без кофе думалось плохо, я встала и сняла с полки джезву. В этот момент в дверь позвонили.

На пороге стоял серьезный юноша в очках. Он поздоровался, назвался следователем Ерошкиным Петром Ивановичем, в подтверждение чего поднял на уровень моих глаз удостоверение. Отлично, на ловца и зверь бежит, подумала я. Пригласила его на кухню выпить за компанию со мной чашечку кофе. Немного помявшись, гость согласился.

Пока я варила кофе на две порции, он задавал обычные вопросы: как зовут, год рождения, знакома ли я с потерпевшей Аделаидой Амвросиевной Белкиной.

Я рассказала про Аделаиду все, что знала, а знала я, надо сказать, немного. На пенсии, одинокая, часто болеет, особой старушечьей болтливостью, как ни странно, не отличается, иногда просит прихватить батон из магазина или корвалол из аптеки. Но не часто: для этого есть

сотрудница социальной службы, которая приходит к Белкиной два раза в неделю. Бывала ли я у нее в квартире? Да, конечно.

– Вы знаете кого-нибудь из ее родственников? – поинтересовался Ерошкин.

Я задумалась. Как-то раз Аделаида вскользь обмолвилась, что есть у нее племянница Валя, но этой Вали я и в глаза не видела. Я честно призналась:

– Трудно сказать, вроде бы племянница Валентина имеется, но я ее ни разу у Белкиной не видела. Да вы спросите Марью Семеновну с первого этажа, они с Белкиной подруги.

Две наши милые старушки частенько сплетничали, сидя рядышком на скамейке у подъезда.

– Обязательно спрошу, – заверил Ерошкин, – только позже. Петрова сейчас в больнице лежит. Значит, ни телефона, ни адреса этой Валентины вы не знаете?

Я покачала головой. А ведь и в самом деле: нужно раздобыть адресок племянницы Белкиной и пообщаться с ней. Что, если это она убила тетушку? И мотив подходящий – наследство в виде квартиры. Это вам не пенсию бабушкину стырить! Нет, я непременно должна найти Валу и выудить из нее как можно больше информации!

– Скажите, Татьяна... – Ерошкин заглянул в свои бумаги, чтобы уточнить мое отчество, а потом решил – и без лишних церемоний обойдется. – Скажите, Татьяна, а Нину Эдуардовну Петрушину вы знаете?

– Знаю, – вздохнула я. – Это медсестра, которая делала Белкиной уколы. Я сама привела Нину к Аделаиде Амвросиевне.

Следователь оживился:

– Значит, Петрушина – ваша знакомая? А вчера вы видели ее?

– Нет.

– Она к вам вчера не заходила?

– Нет. Зато ко мне заходила очень странная девушка.

И я поведала Ерошкину историю о загадочной блондинке, явившейся ко мне с визитом и обвинениями, на самом деле оказавшимися грязными инсинуациями.

– Это очень странно. Я потом спускалась вниз к соседке, которую якобы залила, и та мне сообщила, что этой девушки она не знает и никакой племянницы у нее нет. Да вы сами можете у Марины Васильевны спросить.

– Спрошу, – согласился Ерошкин.

– И знаете, что я думаю, Петр... – я сделала паузу, пытаясь вспомнить отчество юноши.

– Иванович, – любезно подсказал он. – И что же вы думаете?

– Так вот, Петр Иванович, я думаю, что Нины вчера тут не было. А была эта девушка.

Я наконец-то поняла, что показалось мне странным в той девице. Она была очень похожа на Нину, только ростом чуть пониже. Та же прическа, такой же цвет губной помады и одежда похожая. Помнится, однажды я видела на Ниночке голубую толстовку с дурацкой английской надписью на спине. И как же это я сразу не догадалась! Конечно, я бы ни за что не спутала Нину с той девушкой, но это я, которая ее хорошо знает. А те, кто видел Ниночку раз-другой мельком, могли и ошибиться. Была и еще какая-то мелочь, бросившаяся тогда мне в глаза. Но эта мелочь сидела так глубоко в подсознании, что память, как я ее ни напрягала, не могла вытащить ее на поверхность.

Все это я и выложила следователю. Но он мою версию воспринял скептически:

– Да, спутать могли. Хотя это, конечно, звучит надуманно.

– Значит, вы мне не верите. Думаете, что я все придумала? Чтобы спасти свою знакомую?

– Ну почему не верю, верю. Приходила к вам какая-то девушка, может, что-то перепутала. Или...

Ерошкин хотел еще что-то добавить, но передумал, но я и так поняла: «Или вы, Таня Иванова, что-то перепутали, но что с вас, дамочка, взять?» Именно это я прочла в его взгляде.

Все мне с тобой ясно, милейший следователь Петя Ерошкин. Зачем искать какую-то таинственную девушку, тратить силы и время, когда есть Нина? Права Наталья Сергеевна, ох, как права! Не будут они париться, разыскивать новых претендентов на роль подозреваемого, если можно упечь за решетку бедную безответную Ниночку. Алиби у нее нет, к Белкиной она ходила, все это знают. Зарплата у нее маленькая, а так хочется красиво одеться! Вот и грохнула бабулю, чтобы прикарманить ее денежки и побрякушки.

А чего ты ждала, Таня? Упечь невинного на нары – это в стиле нашей родной полиции.

Ерошкин как будто прочел мои нелестные мысли. С плохо скрываемым сарказмом он сказал:

– Вы не все знаете, Татьяна. Есть еще одна деталь, и она свидетельствует о виновности вашей знакомой.

– И что же это за деталь?

– Шарфик со следами крови потерпевшей. Петрушина оставила его на месте преступления.

– Может, это вовсе не ее шарфик. Уверена, что в таких шарфиках половина Тарасова ходит. Вот если бы Нина одевалась у французских кутюрье... Или привозила наряды из Милана... Тогда другое дело. Но она девушка небогатая и покупает одежду там, где и все остальные.

– Ошибаетесь, – возразил следователь Петя. – Такие шарфики не продаются в наших магазинах. Мать подозреваемой купила его в Болгарии дочке в подарок. Она сразу его узнала, как только мы ей его показали. Кстати, на шарфике есть маленький тканый ярлычок с информацией о том, где эта вещь произведена.

Ни о каком шарфике Наталья Сергеевна мне ничего не говорила. А в Болгарии она действительно была: два года назад возила в Пловдив учеников на олимпиаду по математике. Я спросила:

– Когда вы ей показывали этот шарфик?

– Сегодня утром, после того как эксперты определили, чья это кровь. И потом, не забывайте про такую вещь, как потожировые следы. Шарф однозначно принадлежит подозреваемой, так что можете не сомневаться.

Я потерянно молчала. Если Нина не приходила вчера к Аделаиде, то как в квартиру Белкиной попал этот шарф? Внезапно меня осенило:

– А что если Нина оставила его не вчера – раньше, два дня назад или три?

– Вы забыли про кровь. Она, кстати, была совсем свежей.

Нет, все равно что-то тут не вяжется. Такая явная улика – шарф, привезенный из-за границы, да еще и со следами крови! Как ни глупа Ниночка, даже она не бросила бы на месте преступления свой шарфик, предварительно запачкав его кровью жертвы. Но разве можно вдолбить это в голову Ерошкина? Для него ход моей мысли – не аргумент.

Следователь тем временем допил свой кофе и встал:

– Спасибо за кофе. Можно вас еще кое о чем попросить?

– О чем же?

– Вас не затруднит пройти со мной в квартиру Белкиной? Посмотреть, что пропало.

– Конечно, не затруднит, – обрадовалась я. – Всегда рада оказать помощь нашей славной полиции.

Об этом я и мечтала! Теперь не придется нарушать закон и возиться с отмычками, чтобы вскрыть квартиру погибшей. Посещение места преступления было первым пунктом моего плана, составлению которого помешал визит Ерошкина. Может, мне удастся обнаружить какие-нибудь доказательства невинности Ниночки?

Услышав про «нашу славную полицию», Ерошкин с подозрением покосился на меня. Он вынул из кармана ключ, открыл дверь и пропустил меня вперед.

Воздух в квартире покойной был спертый, пахло старой одеждой и лекарствами. Подушка в белой наволочке, лежавшая на кровати, была покрыта бурыми пятнами.

– Как ее убили? – спросила я.

– Ударили по голове хрустальной вазой. Но сначала вкололи лошадиную дозу клофелина. Но, если б ей не раскроили череп вазой, это ничего бы уже не изменило. Патологоанатом, проводивший вскрытие, говорит, что такая доза клофелина однозначно убила бы ее. Такого не выдержало бы даже здоровое сердце, что уж там говорить про пожилую женщину.

– Не понимаю, – пробормотала я.

– Чего не понимаете?

– Зачем убийце понадобилось бить ее по голове вазой? После лошадиной дозы клофелина?

– Возможно, убийца спешил, – сказал Ерошкин и тут же поправился: – Спешила. Не хватило терпения ждать, пока бабушка уснет. Не терпелось поскорее приступить к поискам ценностей. А может, Белкина чем-то убийцу разозлила.

Это Аделаида могла. Она была очень несдержанна на язык и, как большинство пожилых людей, любила поучать молодежь. Вот только Нина не отличалась вспыльчивостью. Да, туповатая, да, легкомысленная, да, влюбчивая. Но не злая, не гневливая, не раздражительная. Нрав у нее был мягкий, характер уживчивый. Не стала бы она бить старушку по голове хрустальной вазой. И клофелином травить не стала бы.

– Не беспокойтесь, Татьяна, мы все выясним, – прервал мои мысли следователь. – Посмотрите, пожалуйста, вы когда-нибудь видели эту шкатулку?

Ерошкин показал мне раскрытую лакированную шкатулку, расписанную яркими цветами. Она была почти пустой. Внутри лежала цепочка из белого металла с православным крестиком и кольцо с выгравированной надписью: «Спаси и сохрани». В углу болталась розовая пуговица с блестящим камушком в серединке.

– Никогда этой шкатулки у Белкиной не видела. Но ведь нас с ней не связывали настолько близкие отношения, чтобы...

– А какие-нибудь украшения вы на ней видели? – перебил меня Ерошкин.

Я задумалась.

– Видела. Сережки с кирпичного цвета камушками. Да, точно! Она еще сказала, что это агаты. Старинные, достались ей от матушки. Кольцо еще было.

– Это? – спросил следователь, указывая взглядом на шкатулку.

– Нет, золотое, массивное, с большим красным камнем. Типа рубина. И другое кольцо, поменьше, с жемчужиной. Да, точно, и такие же серьги один раз на ней видела. Еще цепочку видела, но не эту, а золотую. Она всегда у нее на шее была.

– Значит, были у бабушки украшения, были, – радостно закивал Ерошкин. – А сейчас нет.

– А на ней, когда ее нашли, что-нибудь было?

– На трупе-то? Ничего. Абсолютно ничего. Только наручные часы в кармане халата и заколка. Может, еще что-нибудь пропало? Посмотрите внимательно, Татьяна.

Я оглядела комнату. У стены стоял старый трельяж с зеркалом, перед которым выстроились фарфоровые фигурки. Коричневая собачка с отбитым хвостиком, медвежонок с бочонком меда, красавица в русском костюме с выщербленным локтем – все это, вероятно, имело какую-то ценность для любителей фарфора советского периода. Но убийцу они не заинтересовали. Белый ангелок с умильным детским личиком – а это уже современный ширпотреб, такие фигурки продают на каждом углу. Наверное, подружка Марья Семеновна подарила его Аделаиде на 8 Марта. Или на Новый год. Пыльная фарфоровая конфетница, разукрашенная аляповатыми цветочками, наполненная разной мелочевкой. Ничего интересного: булавки, медные

монетки, сломанная перламутровая заколка, помада, крошечный флакончик из-под духов, старые ключи. Все это и раньше тут было. Я отошла от зеркала и посмотрела на стену. Вот оно!

– Вот там висела картина! – я указала пальцем в темное прямоугольное пятно. Вокруг прямоугольника светлели выгоревшие обои. – А теперь ее нет. Но кому могла понадобиться копия «Алёнушки» Васнецова?

– Эта? – спросил Ерошкин, доставая из-за шкафа картину и поворачивая ее холстом ко мне. Алёнушка печально смотрела на темную воду с застывшими на ней листочками.

– Да, она. Это вы ее сняли со стены?

– Нет. Она тут и стояла.

Значит, ее сняли убийцы. Но зачем? Даже младенцу понятно, что это копия. Оригинал висит в Третьяковке под надежной охраной. Может, искали бриллианты? Неужели скромная старушка Белкина на самом деле была подпольным миллионером? Нет, не думаю, что Аделаида прятала камушки в раме. Может быть, она сама убрала картину за шкаф, потому что «Аленушка» ей надоела?

– Значит, больше ничего не пропало? – подытожил нашу беседу следователь и аккуратно поставил картину на прежнее место, между шкафом и стулом.

Я пожала плечами:

– Откуда мне знать? Я не часто здесь бывала. Вам лучше спросить Петрову. Или племянницу Валентину.

– Спросим. Ну что ж, спасибо и на том.

Ерошкин направился к двери, я потопала следом. Проходя мимо старого, захватанного пальцами телефонного аппарата, стоявшего на тумбочке у кресла, я приостановилась. На обоях, прямо над телефоном, карандашом было нацарапано несколько шестизначных номеров с приписками: «Земляникина, врач», «электрик», «Валя». Земляникину с электриком я проигнорировала, а Валю постаралась запомнить. Скорей всего, это и есть та самая племянница. Вот так удача!

Прощаясь со следователем, я задала ему вопрос:

– А шприц, которым делали укол, и ампулу из-под клофелина ваши люди нашли?

– Да, они валялись на полу.

– А вам не кажется это странным?

Ерошкин только плечами пожал.

– Отпечатки пальцев убийца тщательно стерла, – буркнул он.

Но зачем было оставлять ампулу и использованный шприц на месте преступления? Тратить время, стирать с них отпечатки? А не проще ли было сунуть это в карман, а потом выбросить где-нибудь подальше от дома? Мусорных баков в городе сколько угодно, никто не станет в них рыться в поисках улики.

Память на цифры у меня хорошая, и все же дома я сразу же записала номер Валиного телефона в блокнот. Нужно сегодня же позвонить ей и договориться о встрече. Но это чуть позже, а сначала – кофе и кости. А потом звонок Кире. Без его помощи мне не обойтись.

Выпив кофе с парой бутербродов, я достала кости и высыпала их на стол. Выпало 3+21+25: «Вы займетесь благородной работой, даже если она будет незаметна для окружающих». Значит, я на верном пути. И я набрала номер Кирьянова.

Глава 5

Володька был явно не в духе. Или сильно занят. А может, и то и другое сразу.

– Как дела, Иванова? – кисло спросил Киря, и я догадалась, что в его кабинете кто-то есть. – Опять идешь по следу? Только не говори, что звонишь, чтобы поздравить меня с праздником.

В трубке раздался короткий хрюкающий смешок, и я на всякий случай покосилась на календарь с лошадиной мордой, висевший на стене. Майские праздники благополучно завершились; день российской полиции, бывшей милиции, – слякотной осенью, а Кирин день рождения и того позже – зимой. Так что поздравлять его было не с чем. Но я на всякий случай сказала:

– А вот на это даже не надейся, Володька!

– Ладно, давай, не тяни резину, говори, что нужно. Извини, но я сейчас занят по горло. Весь в заботах, даже кофе хлебнуть некогда.

Мой давний друг, подполковник Владимир Сергеевич Кирьянов, всегда занят и всегда по горло. Но это вовсе не причина, чтобы отказать старинной приятельнице в помощи.

Кофе? А ведь это отличная идея, Кирьянов! Озвучить свою просьбу по телефону я не могу. Как вживую вижу твое возмущенное лицо и слышу вопли: «Нет, Таня, нет! Этого я сделать не могу, при всей своей любви к тебе, золотая ты моя!»

– Володь, ты только скажи, когда там у тебя промежуток в заботах намечается, я подъеду и угощу тебя кофе. Знаю одно заведение недалеко от вас, там подают роскошный кофе. Заодно и поговорим.

– Я и сам знаю это заведение, Иванова, и сам могу тебя угостить, – хмыкнул Киря. – Ну, да ладно, от тебя не отвяжешься. Давай подгребай к часу, прямо в «Жирафу». Принесешь бумаги к двум часам, ясно?

– Какие еще бумаги, Володь? – удивилась я.

– Это я не тебе, Иванова. Но имей в виду, у тебя будет всего полчаса. Это уже тебе, Татьяна. Так что заранее составь свое ходатайство, четко и ясно. Желательно в письменном виде, – хохотнул он и отключился.

До часа была еще уйма времени, и я решила позвонить по номеру, нацарапанному Аделаидой на обоях. Как ни странно, на звонок ответили сразу.

– Валентина? – спросила я строгим голосом.

– Да, я, – ответили из трубки. – А вы кто?

– Я следователь прокуратуры Иванова Татьяна Александровна. Хотелось бы с вами сегодня встретиться, поговорить о вашей тете Аделаиде Амвросиевне Белкиной. Когда к вам можно подъехать?

– А чего ко мне подъезжать? – не слишком радостно сказала тетка на другом конце провода. – У меня уже была беседа со следователем.

– Да, из следственного комитета. А я из прокуратуры.

– Ладно, приходите, – без особого энтузиазма согласилась Валентина, – только я через десять минут ухожу на работу. Дома буду в восемь вечера.

– Хорошо, я приду в восемь. Скажите мне ваш адрес.

Валентину эта просьба не удивила, она не поинтересовалась, почему это следователь Иванова, знающая ее телефон, поленилась пробить по базе адрес. Женщина скороговоркой продиктовала свой адрес и попросила, чтобы я пришла не в восемь, а на десять-пятнадцать минут позже, чтобы она успела переодеться. Я согласилась, но про себя подумала: «Ага, как же! Чтоб ты успела как следует подготовиться к моему приходу, понадежнее спрячь улики и приду»

мать какую-нибудь ложь! Не выйдет, милая! При допросе свидетелей и подозреваемых самое главное – эффект неожиданности».

Положив трубку на место, я стала собираться на встречу с Кирей.

В кафе я вошла ровно в 13.00, но Володьки, конечно же, там еще не было. Он появился только через пятнадцать минут, когда я уже приканчивала корзиночку с вишней и допивала кофе. Вместо приветствия Киря сказал:

– А ты все хорошеешь и хорошеешь, Танюха. Как это тебе удается?

Я в ответ только улыбнулась одной из самых ослепительных своих улыбок.

– Ну, говори, чего тебе принести, Иванова?

– Чашечку капучино, Кирьянов.

Через несколько минут Володька явился с подносом, заставленным кофейными чашками и тарелками со всевозможной выпечкой.

– Попробуй вот этот пирожок, Татьяна. Вкуснятина, язык проглотить можно.

– Не хочу. А за кофе спасибо.

– Ну, давай, высказывай свои пожелания, старуха.

– Ладно, ты ешь, Володь, а я пока буду вводить тебя в курс дела.

Киря кивнул, окинул жадным взором поднос, выбрал большой румяный пирожок и впился в него зубами.

Рот у него был все еще набит, когда я закончила свое печальное повествование:

– Ты, конечно же, понимаешь, что Нина никого не могла убить. Она не способна на убийство.

– Ошибаешься, Татьяна. На убийство способны все. Различие только в мотивах.

– Ну, это ты загнул, Володя, – хмыкнула я. – Мы вот с тобой хорошие люди, но при определенных условиях я не поручусь ни за одного из нас. Но на все сто процентов уверена: есть и те, кто...

– Нету, голубушка, нету, – перебил меня Киря. – Ладно, оставим теорию, перейдем к практике. Что ты от меня-то хочешь, Иванова?

– Я должна поговорить с Ниной. Я уверена, что докажу ее невиновность...

– Ну конечно, ты же самый лучший следователь, Иванова!

– Не перебивай меня, Кирьянов. Не буду хвастаться, но это действительно так. Я очень хороший следователь, но, чтобы доказать, что Нина не убивала, мне нужно с ней поговорить, задать несколько вопросов. И ты, Володя, должен организовать свидание с ней, и как можно скорее. Я должна увидеться с ней... ну, скажем, завтра.

Услышав эти слова, Володька чуть не подавился четвертым по счету пирожком.

– Ты с ума сошла, Иванова! Нет, вы послушайте ее, люди добрые, – шипел Киря, хотя никаких добрых людей, кроме нас, за нашим столиком не было. – О каком «завтра» ты говоришь, золотая моя? Это ж сдохнуть можно! Не то что завтра, а вообще организовать свидание с задержанным невероятно сложно, а ей «завтра» подавай! Даже мать к ней не пустят, а о тебе и говорить нечего. Нет и нет, даже и не проси!

– Володечка, милый, ну ты же все можешь, я знаю!

– Я не бог, – буркнул он.

– Но ты же знаток своего дела. Величайший ум вселенной. Самый лучший друг, – я уже не знала, как подлизаться к Кирьянову, чтобы он что-нибудь придумал ради спасения бедной Ниночки.

– Не надо мне льстить, Иванова. Зря стараешься. Вот если бы она была в СИЗО, тогда было бы о чем говорить.

– А адвокат? Ведь он имеет право на свидание.

– Но ты же не адвокат, Татьяна.

– А если я стану им?

– К завтрашнему дню?

– Ну да.

– Ты толкаешь меня на преступление, – он посмотрел на часы. – Но нет, это невозможно. Пора бежать, извини. Мне очень жаль, что не смог ничем тебе помочь, Таня.

Киря отодвинул стул, тяжело поднялся из-за стола, виновато покосился на меня и зашагал к выходу.

– Может, все-таки что-нибудь придумаешь, – с надеждой бросила я ему в спину.

Он не оглянулся, не знаю даже, услышал или нет. Но я не унывала: Киря не раз говорил, что ничего не может сделать, а потом что-нибудь да придумывал. Кирьянов и в самом деле один из величайших умов вселенной. После меня, конечно же.

Следующие три часа я провела с приятностью и пользой: ходила по магазинам. Домой приехала с кучей сумок, пакетов и пакетиков.

На этот раз никаких неприятных сюрпризов не было: дверь открылась сразу, все вещи, в том числе и Олегов фотоаппарат, лежали на своих местах. Олега еще не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.